Twinkle twinkle little star…

Будильник грохотал по металлическому столику вот уже полторы минуты, а старик, пошатываясь, всё пытался поднять на ноги. Выходило неважно, в ногах у него были раскиданы пустые бурые бутылки, и каждый раз, когда старик пытался опереться на кровать, на которую прошлой ночью так и не смог забраться, свалившись на подступах, он случайно стягивал с неё одеяло и снова падал.

Но вот он кое-как удержался за металлический столик с лампой — нефритовым дракончиком, державшим во рту, собственно, лампочку — и со всей силы врезал по ревущим часикам. Сразу же лицо старика, всё ещё привлекательное, но немного морщинистое, бледное, с густыми чёрными ресницами, накрытое всё ещё длинными, но уже не тёмными, а немного седыми, как будто пыльными, волосами, перекосило от боли. Он схватился за свою руку и стал глубоко дышать. А будильник даже и тогда не заглох. Старику пришлось смиренно сдавить небольшую кнопочку у него на крышке и подождать три секунды.

Только тогда наступила тишина.

Старик вздохнул, поправил свои немного растрёпанные волосы, открывая правое ухо, с золотым колечком, и пробежал взглядом помещение, в котором проснулся. Свой дом. Место это было не сказать, чтобы тесное, но горы всяческого мусора, башенки из грязных одноразовых тарелок и вилок, бутылки на земле, выпотрошенные пакетики и весь прочий бардак просто не давали протолкнуться.

Осторожно переставляя ноги между залежей мусора, — но не поднимая ногу слишком высоко, — старик добрался до своего маленького холодильника, наклонился перед ним и заглянул в его прохладную пустоту. Старик взял из неё потную баночку и хотел уже было открыть, но замялся, поставил её на холодильник и побрёл в ванную.

По возвращению из неё у старика уже почти не было щетины, и называть его стариком стало даже как-то неправильно. Теперь он просто был не очень молодым, но очень замученным — замучавшим сам себя — мужчиной.

Мужчина нашёл в шкафу спортивные штаны — чуть не задохнувшись в процессе от пыли, — нашёл там спортивную куртку, сунул баночку пива в карман и пошёл на выход.

На улице его ожидал маленький дворик, а за ним: самая настоящая свалка, — горы мусора уходили в голубые небеса.

Собственно, одна из причин, почему мужчина вообще смог позволить себе своё просторное жильё со своей более чем скромной зарплатой была в том, что находился его дом вот в таком вот занятном местечке. На свалке. Любой другой бы отказался тут жить, предпочёл бы потесниться в квартирке, но мужчине были привычны ароматы разложения и гноя поутру.

Налюбовавшись родной свалкой, он сразу полез в почтовый ящик. Если домик мужчины напоминал бетонную коробочку высотой в один этаж, с вытянутым карнизом, то его почтовый ящик был уже более вычурной штучкой, — он был выполнен в форме небольшой пагоды. Мужчина залез в первые три её яруса и достал оттуда счета, счета и счета. Потом он достал из последнего, самого верхнего этажа белый конверт. Имя отправителя на нём указано не было, а в строке адресата значился «Линь Фан». Именно так. С кавычками.

Линь Фан прыснул.

Вот уже двадцать лет, с тех пор, как он оставил все надежды и вернулся в свой родной мир, на луну-свалку, мужчина жил под таким нехитрым псевдонимом. У него было несколько причин прятать своё имя, но самая главная состояла в том, что ему чрезвычайно не нравилось, когда в нём узнавали того самого Фан Линя. Он пытался отрешиться от этого имени, отбросить его, но некоторые мириться с этим не хотели.

Отправитель был анонимным, но Линь Фан точно знал, от кого именно было это письмо, и даже заранее мог угадать его содержание. Но просто чтобы удостовериться, мужчина всё равно вскрыл конверт и достал стопку голубоватых, переливающихся купюр. Примерно двадцать тысяч духовных кредитов наличными. Этого было и близко недостаточно, чтобы снять хотя бы на одну ночь пентхаус на планете Зелёных Ветров, где прямо сейчас прохлаждалась отправительница этого письма, но на помойке на которой жил сам мужчина, хватило бы на полгода безбедной жизни.

Линь Фан совершенно привычными движениями запихнул купюры назад и бросил письмо в мусорную кучу неподалёку. Затем он выпрямил свою хрустящую спину и поплёлся мимо мусора на пролегавшую рядом трассу.

Луна, на которой жил Линь Фан, действительно была свалкой. Но в последние годы усилиями Федерации даже в таком месте старались создать более-менее пригодные для жизни условия. И если раньше, лет тридцать назад, здесь проживали только безродные бродяги да рабочие свалки, контингент которых постоянно ретировался из-за многочисленных несчастных случаев, то ныне луну значительно облагородили.

Например, провели трасу. Прямо вдоль свалки. За ней начиналось широкое зелёное поле. Если идти по нему ночью, то справа от него можно было заметить огни города, — днём он превращался в далёкое мутное серое пятно.

Линь Фан шёл по зеленому полю, время от времени поглаживая баночку в кармане, и поглядывал на гаснущие в голубой дымке звёзды. Атмосфера на планете была жиденькая, и единственным временем, когда звёзд совсем не было на небе, был полдень.

Тёплый ветерок трепетал ещё мокрые волосы мужчины, приятно пахло весной... Но спустя примерно минут тридцать вся эта идиллия, очень приятная Линь Фану, потому что она помогала ему справиться с похмельем, оборвалась. У него заболели ноги. И самым неприятным тут была даже не боль, а сам факт, который мужчина прекрасно осознавал, что эта боль была не оттого, что ноги его были недостаточно тренированы, а потому, что ему было уже пятьдесят три года.

Как только Линь Фан вспомнил об этом, он перестал глядеть на звёзды и на город, и начал засматриваться на такую нежную, такую манящую траву на земле. Вот бы сейчас прилечь на неё, открыть баночку, поспать... Мужчина снова и снова выискивал на земле хорошие места, чтобы прилечь, примерял на них свою спину, испытывая свою волю, и когда та была уже на пределе, и он уже почти сдался, снова ему в уши врезался мерзкий звон.

Линь Фан цокнул языком, поднял взгляд и уныло посмотрел на высокое прямоугольное здание, за ещё одной трассой, вход в которое представлял собой каменные врата с высаженными с обеих сторон розовыми персиковыми деревьями. Мужчина проигнорировал этот вход и пошёл в обход здания, по зеленому лугу. Вскоре слева от него побежала железная сетка, а потом и закрытая дверца. Линь Фан её открыл и ступил на небольшой дворик.

Это был школьный двор.

Сразу же мужчина выцепил глазами детей в спортивных костюмчиках, которые сидели на траве, обнимали свои колени. Мужчина достал свисток и подул в него со всей силой, разгоняя заполонивших спортивную площадку журавлей. Птицы взмыли в голубое небо, осыпая скромное зелёное пространство дворика белыми перьями, а дети стали медленно и нехотя подниматься на ноги. Некоторые из них растерянно смотрели на Линь Фана.

Мужчина вытянул свисток из губ и сказал, голосом настолько же унылым, насколько унылое было у него настроение:

— Доброе утро, класс. С началом учебного года, счастливый день; можете звать меня Линь Фан, или просто учитель Линь. Я ваш… — голос его каким-то немыслимым образом зазвучал ещё более подавленно:

— Физрук.

http://tl.rulate.ru/book/52126/1310084